

Содержание

Предисловие.....	4
Генрих Альтшуллер «Жизнь человека, рассказанная им Игорю Вёрткину».....	6
Генрих Альтшуллер «Жизнь человека, рассказанная им Виктору Фею»	124
Павел Амнуэль «Так говорил Альтов...».....	138
Владимир Герасимов «Плакат номер один».....	202
Борис Злотин, Алла Зусман «Просто гений».....	207
Любовь Кожевникова «Удивительный человек»	257
Саймон Литвин «Генрих Альтшуллер – Трудно быть Гением»	286
Владимир Петров «Полигений»	328
Юрий Саламатов «Все дороги ведут в ТРИЗ»	383
Александр Селюцкий «Человек, излучавший свет».....	396
Виктор Фей «Неослабевающее притяжение»	417

Предисловие

Вы когда-нибудь задумывались, что нужно, чтобы стать гением? Добро пожаловать в увлекательный мир Генриха Сауловича Альтшуллера – человека, чье влияние на наши представления о решении сложных изобретательских задач и научно-техническом творчестве в целом невероятно велико. На страницах этой книги вы погрузитесь в историю выдающегося мыслителя, который верил, что творчество доступно каждому.

Когда мы, редакционная коллегия, размышляли о структуре книги, обсуждались самые разные подходы: от единого текста, написанного в утвержденном стиле в хронологическом порядке, до антологии разноплановых материалов. В итоге остановились на «мозаичной» модели, где авторы делятся своими воспоминаниями, независимо друг от друга. И хотя у каждого из них свое представление о Генрихе Сауловиче, всех объединяет то «оглушительное впечатление», которое он производил на людей. Альтшуллер любил говорить о «встрече с чудом» – событии или явлении, способном кардинально повлиять на жизнь человека. Для авторов этого сборника такой «встречей с чудом» стало знакомство с самим Альтшуллером.

Генрих Саулович был превосходным рассказчиком. Однако многие вспоминают, что при каждом новом пересказе биографических историй он менял детали – словно «редактировал» собственную жизнь, стараясь придать ей максимально точное и яркое звучание. Поэтому не удивляйтесь, если в книге встретятся разные версии одних и тех же эпизодов: авторы описывают их так, как лично слышали от Альтшуллера. Точно так же стоит относиться и к воспоминаниям самих авторов: одни и те же события они могут помнить по-разному, что вовсе не означает, будто кто-то из них ошибается. Это всего лишь естественное многообразие человеческой памяти.

Если вы держите в руках эту книгу, вы, вероятно, знаете, что Альтшуллер создал Теорию Решения Изобретательских Задач (ТРИЗ) – методику, помогающую находить эффективные решения самых сложных технических проблем. В основе ТРИЗ лежат законы развития технических систем, принципы разрешения противоречий и другие подходы. Сегодня она пользуется спросом во всем мире: от крупных международных корпораций до небольших инновационных компаний. Помимо ТРИЗ, Генрих Саулович разработал методы и приемы Развития Творческого Воображения (РТВ), теорию Развития Творческой Личности (ТРТЛ) и Жизненную Стратегию Творческой Личности (ЖСТЛ). Он был не только ученым и изобретателем, но и писателем-фантастом, любившим представлять новые горизонты для человечества. В книге «Трудно быть гением – жизнь и творчество Генриха Альтшуллера» отражен его путь – исследователя, изобретателя, писателя и организатора ТРИЗ-сообщества.

Существенную часть книги составляют интервью с Генрихом Альтшуллером, которые Игорь Вёрткин и Виктор Фей записали на магнитофонную пленку в 1985–1986 годах. Позже эти записи перевели в текст и опубликовали на официальном сайте Г.С. Альтшуллера. С согласия правообладатель интервью включены в книгу полностью.

Формат данного издания позволяет вам выбрать, с какой главы начать чтение – воспоминания авторов представляют собой законченные литературные произведения, написанные в разных стилях. При этом мы рекомендуем начать знакомство именно с интервью, чтобы лучше понять, как Альтшуллер сам видел мир и объяснял свои идеи. Важную роль играют многочисленные фотографии, благодаря которым можно буквально увидеть историю.

Эта книга написана ближайшими учениками и соратниками Генриха Альтшуллера, среди которых Павел Амнуэль, Владимир Герасимов, Борис Злотин, Алла Зусман, Любовь Кожевникова, Саймон Литвин, Владимир Петров, Юрий Саламатов, Александр Селюцкий и Виктор Фей. Каждый из авторов работал с Альтшуллером и внес свой вклад в развитие и популяризацию ТРИЗ.

Среди авторов есть как профессиональные писатели, так и люди, никогда ранее не занимавшиеся литературным трудом. Поэтому в художественном плане книга неоднородна, но, на наш взгляд, это нисколько не умаляет ее ценности. Она вполне создает живой и многогранный образ Генриха Сауловича Альтшуллера.

Международная Официальная Ассоциация ТРИЗ (MATRIZ Official) является инициатором и главным спонсором выпуска данной книги. От лица ассоциации мы выражаем благодарность авторам, а также всем организациям и частным лицам, поддержавшим проект финансово. Особая благодарность Международному Институту Развития ТРИЗ в Образовании (МИР ТРИЗ) и основателю Детского центра Новаториум, Нешколы «Обыкновенное чудо» – Иващенко Олесе Владимировне.

Надеемся, что данная книга станет для вас увлекательным путеводителем по миру гениального человека и вдохновит вас на новые изобретения и открытия.

Редакционная коллегия
Саймон Литвин, Екатерина Нехаева, Виктор Фей, Олег Фейгенсон

Генрих Альтшуллер

«Жизнь человека, рассказанная им Игорю Вёрткину»

**Генрих Альтшуллер,
Автор ТРИЗ**

**Игорь Вёрткин,
Мастер ТРИЗ**

Игорь Вёрткин был одним из ближайших учеников и соратников Генриха Альтшуллера в 1980-х годах. В соавторстве с Альтшуллером написал основополагающую работу – «Жизненная Стратегия Творческой Личности» и внес значительный вклад в несколько ключевых направлений ТРИЗ, включая АРИЗ, тенденции эволюции инженерных систем и динамику потребностей.

Игорем созданы десятки статей и несколько значимых книг, в том числе «Бороться и искать: о качествах творческой личности», которая была опубликована в СССР в 1988 году.

Часть первая

Родился я в Ташкенте 15 октября 1926 года. Собственно, родиться я должен был в Баку. Отец и мать работали в азербайджанском телеграфном агентстве – АзТАГ. Там и познакомились. Отец был уже женат. Родителям матери это очень не нравилось. Из брачных планов могло ничего не получиться, но к этому времени я уже решительно начал возникать. Месяц, другой, третий – надо было что-то решать... Богобоязненная, религиозная семья, нулевые шансы на мирный исход конфликта. Главой семьи была девяностолетняя прабабка. Она поддерживала порядок, следила за соблюдением религиозных норм и т. д.

Родители удрали в Ташкент. Отец устроился в редакцию газеты «Правда Востока». Мать родила меня 15 октября 1926 года.

Я не знаю, кем отец работал вначале, но удирал он из Ташкента уже в должности заместителя редактора – он поместил материал, который кого-то там задел. Пришлось удирать... Так же ретиво, как и в первый раз.

Удрали в Баку. Состоялось формальное примирение с родственниками. Это примерно 1928 год.

У меня осталось мало ташкентских воспоминаний. Хорошо запомнился шум арыков. С той поры я стал уважать текущую воду. Еще несколько деталей: мы жили на втором этаже, в стеклянной веранде, где каждое утро солнце выходило из-за стены противоположного дома, и стекла ярко вспыхивали «золотым цветом»... Запомнился игрушечный револьвер, который привез отец из командировки в Москву.

И. Вёрткин (ИВ): А себя вы с какого возраста помните?

Г. Альтшуллер (ГА): Только отдельные эпизоды. Помню, как переезжали на пароходе из Красноводска в Баку. В столовой я уронил вилку (или ложку). Страшно испугавшись, спросил: «А капитан слышал шум?» Ответили, что капитан слышал. Я был потрясен... Видимо, впервые почувствовал почтение к капитанам...

Вот несколько эпизодов, а больше я ничего не помню.

Мать работала в Ташкенте в той же газете, в той же самой редакции. У нас не было квартиры в Баку, а книг было очень много. Когда отец драпал из Баку, он прихватил какие-то наиболее интересные книги. В Ташкенте библиотека пополнялась. Сдавали квартиры в те времена неохотно... Мы переезжали с квартиры на квартиру, таскали с собой книги. Книги я очень хорошо помню.

Отец из Одессы, моряк. Окончил Одесское мореходное училище. Механик. После этого он сделал совершенно непонятную для меня вещь – стал писать книги. Среди наших книг были и книги, которые он написал. Например, справочник по Азербайджану за 1926 год, история

Азербайджана, география Азербайджана... И учебники русского языка, литературы. Перед войной (Первой мировой) поощрялись экстернат, заочное обучение. Книги отца были чем-то вроде самоучителей. Особенно интересной показалась мне русская литература – много о войнах... В 42-м году, уже курсантом военно-морской спецшколы, я не знал забот с сочинениями по литературе – всегда находилась тема для списывания...

ИВ: А отец работал моряком?

ГА: Работал, но недолго. Потом служил в порту. Грамотный человек... Типовое занятие: учить грамоте других, давать уроки. Участвовал в Первой мировой войне. На русско-турецком фронте. Был ранен.

ИВ: Участвовал как моряк?

ГА: Нет, в пехоте. Пошел добровольно, чтобы потом описать свои впечатления, но его ранило. Вернулся в Баку.

ИВ: Механиком он стал до Первой мировой войны?

ГА: Да. У отца была, наверное, интересная жизнь. Быть журналистом в первые послереволюционные годы. Вообще, наверное, было интересно. К сожалению, мы больше говорили о книгах, чем об авторах. Где-то на окраинах памяти я отмечал, что было бы интересно расспросить его о ранении.

Русские войска воевали на турецком фронте так же, как и на западном: с помпой подготовленное наступление, много шума, треска, а потом войска стоят на одном месте, ждут, пока их трахнут. Их трахают и они неорганизованно отступают... На отца произвело очень сильное впечатление отступление. Его ранило в самом начале отступления. Он рассказывал, что осталось человек шесть-семь от взвода, в котором отец служил вольноопределяющимся, «вольнопером» (тот же солдат, нижний чин, но имеющий некоторые поблажки вне строя). Так вот, остатки взвода отходили на заранее неподготовленные позиции. Нужно было уйти как можно дальше, чтобы турки не могли ночью догнать. Он рассказывал, что они три дня бежали. Отбежали от турок довольно далеко. У него очень болела раненная рука, а лазарет отставал. Надо было добираться самому. Заночевали они в каком-то сарае, и ему снится (это он потом узнал, что только снится) султан. Султан очень сердится, что он полез на его империю, ругает его, вращает белками глаз и т.д., и сильно давит своей ногой на ногу отца. Когда давление стало невыносимым, отец проснулся и увидел, что корова наступила ему на ногу. Вот такие были героические эпизоды. Отец имел какую-то медаль за эту войну и за свое ранение. Но царские медали были не в почете, поэтому я ее не видел, отец только раз упомянул, что это был Георгий.

Может быть, военный опыт передается генетически... Я заметил, что у меня определенные способности к отступлению. Какие бы, близкие к во-

---

енным, задачи ни приходилось решать, я прежде всего тщательно продумывал пути драпа...

Ну, что было дальше? Вернулись в Баку. Жили мы на улице Кецховели, 113. Снимали квартиру. Родственники обитали по соседству, в доме 117. Отец считал, что это гадючник. Формально мать простили, отца терпели, меня игнорировали. Религиозно-мещанская семья. Надо было вести себя определенным образом, дабы не оскорбить религиозные чувства. У отца родственников не было. Отец работал в разных местах. Это была эпоха переделов, перестроек. Возникали то одни, то другие организации. Потом эти переделы и перестройки перешли на личный состав служащих.

Помню, одно время отец работал в каком-то военно-издательском заведении. Тогда был так называемый всеобуч – всеобщее военное обучение. Занимались после работы. А издательство выпускало книги, инструкции, памятки, фотосерию, стенды. Как-то отец принес домой наглядное пособие – винтовку для обучения штыковому бою. Учебная винтовка, без единой металлической части, выполненная в масштабе 1:1 из деревяшки и с гибким штыком. С той поры у меня появилась некоторая неприязнь к оружию механическому.

Отец и мать много разъезжали. С каждым годом все больше и больше. Совсем одного меня не оставляли. Мы же снимали квартиру, точнее две комнаты в квартире со множеством проходных комнат. Их было четыре или пять, проходных, вытянутых в одну линию. В одном месте было ответвление, там находилась комната старушки хозяйки, с лампадками, с иконами... А остальное сдавалось.

Когда родители уезжали, за мной присматривала хозяйка, Елизавета Николаевна, вдова чиновника. У нее остались книги от мужа. Время от времени мы вели с ней научные дискуссии – зачем распяли Христа и виноват ли я лично в том, что Христа распяли.

Я думаю, мне крупно повезло, что я вырос в этом дворе, на улице Кецховели, 113. Снимали квартиру мы там до 1939 года.

Вообще, двор был хороший. Я затрудняюсь сказать, что именно начало формировать характер. Книги, которые я читал, начиная понемножку их понимать, или окружение во дворе... Дело в том, что окружение было своеобразное, соревновательное. Если у одного что-то появлялось, другой старался его на этом поприще перегнать. Например, один начинал играть в шахматы. Был парень, который выносил шахматы во двор и с героическим видом приглашал сразиться с ним. Полмесяца он держал первенство, а потом, дабы досадить ему, остальные поднимались на его уровень. Тогда шахматы забрасывались и появлялся велосипед. Все обзаводились велосипедами, и начиналась велосипедная горячка. Потом вдруг кто-то получил пятерку по рисованию и организовывал кружок рисования. Потом фотографирование. Неважно было чем заниматься, важно было быть первым в том, чем ты занимаешься.

Я был самым младшим по возрасту в этой компании. На год, на два младше остальных, и мне было труднее пробиваться. Видимо, тогда я впервые пришел к мысли, которой потом придерживался всю жизнь. Дело в том, что на велосипеде лучше ездил один, в шахматы лучше ездил другой и т.д. Я воочию убедился, что нет у меня выдающихся способностей, к сожалению, которыми можно было бы хвастнуть, козырнуть, хотя бы в масштабах двора, для начала. Я сделал второе открытие – когда человеку считаешь что-нибудь, то все желания переходят в другую плоскость, и здесь результаты зависят от предварительной подготовки. Не от природных данных человека, а от того, как человек подготовился к этому делу. Не скажу, что эта мысль четко оформилась, но она прорезалась.

ИВ: *То есть если у вас были какие-то соревнования, то ясно, что появится любая область, и со временем появится человек, который опередит тебя. По идее, надо все время менять область.*

ГА: Менять область?.. Нужен метод. Для меня таким методом стали книги. Наиболее развитый парень, по имени Боба-Октябрь. Папа прокурором был, шибко революционный, эпоха такая была.

ИВ: *А почему Боба?*

ГА: Нельзя же каждый раз говорить «Октябрь». Родители звали Боба. А моя первая подружка, сестра Бобы, по метрикам именовалась Ревмирой, т.е. Революцией Мировой...

Так вот, Боба-Октябрь имел могучее телосложение, мощные кулаки. Во всяком случае, так мне это тогда представлялось. Если спор складывался не так или какое-нибудь соревнование получалось не так, то он предлагал изменить правила. Спорить с ним было трудно. Что можно было сделать, если он на три года старше? Историческая несправедливость, как ее исправить...

Мне кажется, что вот к этим годам относится и первое предложение. Это была эпоха красивых революционных праздников. Все стремились попасть на праздник. Первое мая, годовщина Октябрьской революции. Восемнадцатое марта – день Парижской коммуны, нерабочий день. Демонстрации длились до шести-семи часов вечера. Улицы были полны народа. Веселье было искреннее. Ужасно интересно было ходить в такие дни по улицам, потому что – масса макетов, карикатур, всяких кукол капиталистов... Вот с туалетами было плохо... Потому что с туалетами было вообще плохо. Мало их было в городе, город быстро рос. В праздники народ набивался в центральную часть города – на всю ширину улицы. От стенки до стенки. Поэтому с туалетами было, можно сказать, нетерпимо. Граждане норовили проникнуть в дома, в парадные. Но квартиросъемщики и жители заранее готовились к отражению, потому что потом за неделю не уберешь. Выставляли рогадины, колючую проволоку – чем могли запирали.

Вот тогда у меня и появилась мысль сделать передвижной туалет в виде прицепа к автомобилю. Я решил сделать модельку. У меня был набор детских инструментов – отец купил. Я из пластилина вылепил все нужные детальки и торжественно предъявил все это отцу. Отец сказал, что это слишком хорошо, чтобы быть новым. Я возмутился. Это же я придумал!.. Я стоял на улице, задумался и придумал... Он поискал в книгах и нашел в книжке по архитектуре парижский вагончик такого образца. Это произвело на меня сильное впечатление. Я понял, что не так это просто – сделать изобретение.

Чуть позже, примерно через год, у меня было еще одно неудачное изобретение. С помощью того же набора инструментов я решил сделать подводную лодку. Во дворе господствовала эпоха корабликов... Ну чем можно выпендриться? У всех были парусные корабли, лучше я не мог сделать... Сделал подводный, беспарусный.

Я сделал деревянный корпус. Взял сверло и стал в корпусе делать сверху дырки, в расчете на то, что чем больше я в эти дырки налью воды, тем сильнее он погрузится. Поначалу все шло так, как я рассчитывал. Чем больше воды я наливал, тем сильнее корпус оседал, но как только он осел до поверхности воды, погружение прекратилось. Я стал вертеть новые дырки. Наконец, в деревяшке не осталось живого места от этих дырок. Тогда я соединил дырки в одну большую дыру. Но лодка все равно не тоннула. Я понял, что открыл нечто подобное закону Архимеда. Какие-то выводы я для себя сделал. Вывод не относился к физическим эффектам и явлениям. Вывод был проще – надо думать, прежде чем что-то сделать.

ИВ: Это все до 1939 года?

ГА: Задолго до 1939 года. Где-то в 1933 году меня отдали в школу. На четвертый день мне велели привести родителей. Я страшно боялся. Провинность состояла в том, что я не слишком усердно рисовал палочки. Пришла мать, ей сказали, что я знаю азбуку. Она ответила, что я книжки читаю. Это была святая правда, я уже читал книжки и довольно бегло писал. В первом классе мне делать было нечего. Порядки в школе были демократические. Матери объявили, что, если она не возражает, меня переведут во второй класс. Она согласилась. Третьего класса она испугалась. В общем, родители посоветовались и меня перевели во второй класс. С этой командой я проучился до седьмого класса.

Здесь опять действовал принцип соревновательности среды. В этом классе все были старше меня, все были очень способные. А верхушка класса была, что называется, вундеркинды.

С двумя парнями я особенно подружился. Одного из них, Ильюшку Тальянского, я потом описал в рассказе «Ослик и аксиома» – это Антенна, псих в лучшем смысле этого слова. Человек, чокнутый на радио. Мастерил радиоприемники из самых неподходящих вещей. Целиком был погружен в это дело. Каким-то чудом переходил на тройках из класса в класс.

Был еще Яшка Буль. Ближайший мой друг. Он был всесторонне одаренный. Бывают такие натуры. Редко, но бывают. Начитанный, музыкальный. Его с детства учили музыке, он охотно учился. Блестяще рисовал. Я не знаю, кем бы стал Яшка Буль. Он умер совсем молодым. Ему было 18. Его взяли в армию, в тбилисское артиллерийское училище. По версии начальства – какое-то острое заболевание. Мать вызвали телеграммой, она приехала. Я не знаю, что там такое могло произойти. Яшка был умница. Может быть, самый яркий из нашей компании.

А у меня был медленный набор высоты. Пятый класс. Я нахулиганил на уроке литературы. Мне скучно было писать сочинения на темы из Горького, я их писал в виде оперетт.

Отец в газете вел колонку обозрения оперетты. Мы часто бывали на представлениях – отец по работе, а я с ним. Сочинение я написал в виде оперетты. Это было кощунство и хулиганство, но я по глупости этого не понимал. Я ожидал очередного скандала (это было почетно) на уроке литературы. Литературу вела Тамара Андреевна Серебрякова, очень умная преподавательница. Она сказала: «Ну почему ты так плохо написал?» Я гордо ответил, что мне скучно писать одно и то же. «А что бы ты хотел написать?» – спросила она. К этому времени я начал читать Жюль Верна. Я, естественно, сказал, что если бы мы проходили Жюль Верна... Я тогда успел прочитать книг шесть или семь. Тамара Андреевна сказала: «Щенок, у Жюль Верна больше ста романов, а ты прочитал каких-то шесть книг и уже хочешь писать сочинение по Жюлю Верну...». Было жутко обидно. Хихикали девочки, ради которых я, собственно, и старался. Учительница сказала: «Вечером придешь ко мне домой, вот адрес, получишь Жюль Верна, будешь читать, потом напишешь домашнюю работу по Жюлю Верну». Вечером я увидел три шкафа, битком набитые Жюлем Верном, Уэллсом, Фенимором Купером. Масса фантастики, приключений... У меня глаза разбежались. Я спросил: «Это можно взять?» Тамара Андреевна сказала: «Это нужно взять». «Сколько?» – спросил я. «Сколько унесешь!» Я набрал десяток томов и унес домой.

Ильюшке Тальянскому на день рождения подарили «80 000 километров под водой» в прекрасном подарочном издании. Он не читал и другим не давал читать, пока я не соблазнил его каким-то радиохламом. Я собирал по всему двору какие-то провода, изоляторы... Полный шкаф набрал. Когда я ему все это принес, он пошипел, пошипел и сказал: «Книгу даю на два дня».

Я прочитал «80 000» и понял, что жить на белом свете надо, как жил капитан Немо. Немо стал моим идеалом, эталоном. Поскольку я начал это все перекладывать на практические рельсы, то определилась и судьба: надо закончить школу, стать морским инженером и строить подводные лодки.

ИБ: *От отца по наследству перешло. Вы рассказывали, что у него была морская специальность, книги. Один к одному.*

ГА: Книги... Нет, вначале было море. В Баку тогда купались в центре города. В середине Приморского бульвара, там, где Девичья башня, был деревянный пирс, он уходил метров на пятьсот в море. Широкий и огромный. У пирса стояли большие парусные корабли. Потом пирс раскалывался, как цветок раскрывался, на две половины и упирался в купальный городок, построенный в мавританском стиле еще в 1912 году, перед самой войной. Розовая краска, желтая, белая. Много мозаики, и башенки... Сказочный город! Причем функционально это все было здорово придумано. Правое крыло было мужским, левое – женским, а посередине – всякие процедурные.

И. Вёрткин спросил о школе.

ГА: Я учился в 44-й школе. Она и сейчас есть, но у нее менялись номера, был восемнадцатый, еще какой-то. Школа добротная, она и при царе была. Это примерно возле горотдела милиции.

Так вот, вначале было море. Все мальчишки с нашего двора пропадали на этом пирсе. Сезон начинался в середине мая. Смога тогда не было, вода в бухте была очень чистая. Бассейны: открытый и закрытый. То есть открытый бассейн – это просто лестницы, иди и купайся. Для тех, кто не умел плавать, – закрытый бассейн с искусственным дном из досок, вода там проточная.

У меня во дворе появился соперник-мальчишка моего возраста, откуда-то из деревни. И уж перед ним-то выпендриться сам бог велел. Я – городской, он – деревенский. Я давно в этом дворе, он – недавно. Я давно в Баку, он – недавно. Я давно хожу в купальню, он – недавно. Дрались каждый день... Как-то подрались и в очередной раз перестали разговаривать. Вдруг, я смотрю, он перелезает через забор купальни и начинает плавать один. Там, где глубоко!

Формирующая способность у соревновательной среды потрясающая. Через две-три секунды я сам пошел на штурм забора. Нельзя было уступить, ну никак нельзя!.. Я перелез через забор и оттолкнулся... Впереди было открытое море! По инерции проплыл до ближайшей сваи, обхватил ее. Отдохнув, поплыл к следующей свае. Но свая почему-то оказалась в стороне, и я тихонько пошел вниз, заметался между сваями...

Словом, через три дня я уже прекрасно плавал. Я уходил в купальню утром, приходил вечером. Мать возмутилась таким образом жизни – и послала с инспекцией отца. Отец легкомысленно отнесся к этой затее. Он пришел, посмотрел, как я исполнил показательные два-три заплыва метров на десять. На этом испытания закончились.

...С моря все началось. К морю добавились Жюль Верн, соревновательная среда, девочка по имени Ревмира... Постепенно образовалась грему-

---

чая смесь. Мне казалось, что это нормальная жизнь, я не подозревал, что идет формирование характера взрывного типа. Нет, не просто взрывного, а настырно-затяжно-взрывного типа.

Это, наверное, важные компоненты, но не единственные. Огромное влияние оказали родители. Они не занимались моим воспитанием, у них вечно не хватало времени (точнее, была слишком интересная своя жизнь). Мать была журналисткой. Иногда она работала в Баку, а иногда уезжала вместе с отцом. Отец много ездил. Я не сказал, отца звали Саул Ефимович, мать Ревекка Юльевна. Отношения у них были идеальные. Во всяком случае, с современной точки зрения семья была идеальная. Мое воспитание шло своим чередом, хотя и неощутимо. Были диссонансы иногда. Например, мать решила, что я должен овладеть музыкой. Во дворе жила старушка-музыкантша, дававшая уроки. Меня привели к ней. Она отстучала что-то на крышке пианино и попросила повторить. Я старательно отстучал нечто совершенно непохожее на то, что услышал. Она сказала: «У него абсолютный слух». И очень убедительно добавила, что нельзя зарывать талант в землю, что надо учиться, что я – великое будущее музыки... Я на нее нехорошо посмотрел, насчет «великого будущего музыки» тут был явный перебор. Однако мать твердо поверила старой учительнице. Отец не вмешивался в это дело.

Надо сказать, что у меня было счастливое детство. Эпоха была грозная, жили мы не очень складно – не было своей квартиры. Да и время было мрачноватое. С разоблачениями, арестами, расстрелами... Все это создавало угрюмый фон. И все-таки детство было счастливое! В общем я делал все, что хотел, было очень много свободного времени. Уроки я делал в школе, по ходу дела. Занятия в школе отнимали у меня немного времени. Я держался все время на четверках – честных, добротных, заслуженных. Но я знал, что приду из школы – и у меня весь день в моем распоряжении. Каждый день был жутко интересный. Летом – море. Зимой и осенью – книги. Летом тоже книги, я брал их с собой на солярий. Масса влечений. А тут еще музыка, которая вырубала кусок жизни...

Я начал бороться за независимость – против музыки. Борьба шла поэтапно. Сначала я пытался элементарно обдурить учительницу музыки. Мы проходили гаммы. Она была подслеповата, и я нахально писал химическим карандашом цифры на клавишах пианино. Клавиши за несколько дней стали фиолетовыми. Пришлось придумать более радикальный способ – я привязал себя к кровати. В углу комнаты прочно стояла кровать, припертая огромным массивным шкафом. Я достал ремни для багажа, забрался под кровать и, насколько мог, прочно привязал себя к дальней ножке. Мать пыталась дергать меня за ноги. Никакого результата! Ремни еще туже затягивались. Тогда она сняла постель, перину, матрас и начала прогнозировать мое ближайшее будущее. Хотя я впервые увидел потолок в крупную клетку, тем не менее я не вылезал оттуда и сидел до последней возможности... Уроки музыки начали срываться.

Не помню на какой – второй или третьей – попытке привязки появился отец. Он застал боевую картину: я под кроватью, мать со шваброй. Сказал мне, что я дурак (тогда я не понял этого), однако распорядился оставить меня в покое, и уроки музыки прекратились. Музыкантом я бы не стал, но от музыки жизнь была бы богаче и интереснее.

После того как я получил в школе Жюля Верна, а потом Уэллса, а потом журналы «Мир приключений», я стал писать сочинения на эти темы. Образ капитана Немо. Образы ученых у Уэллса, у Жюля Верна, чем отличаются ученые Жюля Верна от ученых Уэллса. Рутинные формы школьных сочинений наполнились новым содержанием.

ИБ: *А кто-нибудь еще запомнился Вам из школьных преподавателей?*

ГА: Еще бы! У нас преподаватели были яркие. Прекрасная преподавательница физики – Светлана Михайловна. Многие уроки запомнились. Как-то она пришла и сказала, что будем изучать, как движется электрический ток по проводникам, от чего зависит сопротивление. Спросила: «Как вы думаете, от чего зависит сопротивление?» Она сравнила электрический ток с движением людей на улице. Мы вывели так закон Ома. Сейчас это называется проблемным обучением. Это и было проблемным обучением в самом талантливом исполнении. У Светланы Михайловны был богатый набор таких приемов и методов.

Запомнились преподаватели истории, биологии. Все преподаватели были хорошие. У меня не было способностей не только к музыке, у меня было феноменальное отсутствие способностей к иностранным языкам. Это было ужасно! Я не мог заставить себя выучить четыре строчки какого-нибудь стихотворения...

Если был алгоритм понимания, я справлялся легко. Если надо было что-то механически заучить, это было для меня почти непреодолимым препятствием. Я начал хватать двойки по азербайджанскому языку. Вызвали мать. Мать решила нанять репетитора. Школьный преподаватель предложил в качестве репетитора своего коллегу. Дал адрес, мы пришли. Дверь открыл карапуз на голову ниже меня. За ним стояла на полторы головы выше меня восточная красавица, его жена. Я не очень удивился этому диссонансу, меня поразило другое. Я впервые увидел квартиру, все стены которой – до потолка были полностью забиты книгами! Пока мать вела дипломатические переговоры, я нашел томики «Тысячи и одной ночи». Взял один том, погрузился в чтение и решил, что буду изучать азербайджанский язык очень усердно: приходиться пораньше, уходить позже...

Репетитор учил меня своеобразно. Сначала был допрос. Когда я пришел на первый урок, он сказал, что занят, и предложил мне пока повозиться с книгами, а сам между делом начал расспрашивать. Диагностика была самая серьезная (о чем я тогда не подозревал). Он узнал, что меня инте-

ресует, и увидел мое слабое место – историю. Так и было, историю я любил с детсадовских лет. Более того, он сначала объяснил логику исторического развития, линия логическая была такая: история, история Востока, история восточной литературы, история азербайджанского языка, это вступление, логика появления предмета. Мне стало интереснее... А учитель начал копать дальше. Опытный преподаватель, умный человек, он быстро нащупал основную опору – я хотел стать моряком. Ради этого я готов был выучить и китайский язык. Учитель сказал, что моряк должен знать двенадцать языков. Я обалдел, почему двенадцать? И он начал перечислять. Я уже не помню, какие языки он перечислял, но получилось у него двенадцать.

ИВ: Включая азербайджанский?

ГА: Да. Он назывался тюркским языком. Чтобы стать моряком, необходимо было, кроме специальных предметов, знать многое: математику, географию. Это мне легко было. Но чтобы двенадцать языков... Я сказал, что хочу стать военным моряком – пушки не требуют перевода.

Учитель настаивал: профессионалу нужно знать двенадцать языков...

ИВ: А книги у него были на русском языке или...

ГА: На разных языках. На английском. Он был очень широко образован. Человек типа Ахундова и других просветителей, воспитывавшихся в царских гимназиях. Очень интеллигентные, без малейшего вульгарного национализма, прекрасные педагоги по призванию.

ИВ: Ваш учитель говорил по-русски?

ГА: Абсолютно чисто. Великолепно знал русский язык. Фамилию моего школьного преподавателя я не запомнил, а фамилию учителя помню и сейчас, спустя полвека, – Векилов.

Вообще все было так интересно. Даже, так сказать, огорчительные стороны, скажем, неумение справиться самостоятельно с языком, приводили к открытию какого-то нового мира. Хулиганские выходки на литературе привели к тому, что я стал здорово «чувствовать» фантастику, читал ее регулярно. Вообще, надо сказать, что соревновательная среда, нормальная домашняя обстановка и постоянно перечитываемый Жюль Верн, плюс школа тех времен... Все это способствовало очень быстрому развитию.

Ну вот, я ходил купаться. Рядом на пирсе там находилась детско-юношеская флотилия. Пароход, кружки. Поступил туда. Там был возрастной ценз, и я с трудом пробился в школу плавания. Выучился стильному плаванию. Плавал хорошо, прыгал хорошо.

ИВ: Это в каком классе было, пятом?

ГА: Это были четвертый, пятый, шестой классы.

ИБ: А летом?

ГА: Платная школа работала летом, остальные кружки морские работали круглый год. Решающее воздействие можно определить как сумму самых разных импульсов: чтения, плавания, соревновательной среды во дворе...

Мать и отец часто уезжали. Меня надо было куда-то спихивать на время отъезда. Иногда оставляли на квартирную хозяйку, иногда на соседей. Надо сказать, что во дворах тех времен трудно было помереть с голоду. Виноград в изобилии рос во дворе, хороший виноград. На солнце сушились почти бесхозные связки воблы, а одну тарелку супа всегда можно было получить, придя к кому-нибудь в гости. Но матери этого показалось мало, и она решила оставлять меня под присмотром Лаврова. Лавров – спившийся художник-профессионал. Окончил Академию художеств. Как он выглядел? Вид у него был как у персонажа пьесы Горького «На дне»: босой, лохматый, нечесаные волосы, борода, холщовая рубаха.

ИБ: Какого он был возраста?

ГА: Лет за пятьдесят, хотя похож был на глубокого старика. Уезжая в очередную командировку, мама оставляла ему деньги в надежде, что он будет меня подкармливать, и, сочувствуя ему тоже, считала, что он будет при деле. Лавров действовал просто. Он напивался сразу после отъезда матери и три дня пил, пока хватало денег. Потом я был предоставлен самому себе (это были счастливые три дня). Мы продавали бутылки, и у нас были средства еще на два дня. А потом нам нужно было добывать на пропитание. Это меня раздражало, потому что отнимало много времени. Художник он был могучий, конечно.

ИБ: А он, вообще, рисовал что-то?

ГА: Он рисовал на заказ, ему приносили фотографии, а он перерисовывал портреты. Типичная халтура! Но, по рассказам, он был хорошим художником. Меня раздражала эта развилка. И однажды я ему сказал: «Какой же вы художник?» Сказал жестоко, безжалостно. Все это уже прошло, а тогда я был голоден: «Вы давно уже разучились держать кисть в руках». Я наговорил ему хамских вещей, при этом я стоял у двери, чтобы проще было удрать, если он вздумает драться.

Он спросил:

- Ну хочешь, я напишу тебе что-нибудь?
- Напишите! – сказал я.
- Что? Вот сам выбери, и я напишу.

Тогда я сказал, чтобы он написал ночное небо. Я понимал, что нарисовать ночное небо – это одно из самых трудных заданий. До следующего вечера он готовился, не пил, только пивка немножко. Был задумчив, расчесывал бороду обломком гребешка. Собирал краски. И вот вечер начался с сеанса. К моему удивлению, он не пошел смотреть на небо, а начал писать. Работал

он долго. Я уснул, потом проснулся – он писал, потом я снова задремал. Долго длилось все это: часов пять-шесть. Он нарисовал облачное небо. Облака расступились, и в просвете облаков была видна луна. И звездочка была недалеко от нее. Вот и все, что было нарисовано. Лавров жаловался, что у него нет тех красок, которые нужны, что чего-то еще не хватает. Но рисунок был потрясающий. Когда я проснулся и увидел готовый кусок...

ИВ: Большой?

ГА: Нет, как почтовая открытка, ну полторы почтовые открытки примерно. И он обессилел, он сидел, смотрел на этот фрагмент и больше ничего не мог сделать. Ну что можно сказать?.. Можно было сделать из этого выводы: первый, второй, третий, четвертый... Но я никаких выводов не делал. Они пришли сами собой, независимо от меня. Я видел только, что творчество – это труд. Я прожил несколько дней возле этого художника. Я видел, что в результате пьянства погублен несомненный талант. Я не мог все это объяснить. Но для меня даже стакан пива, обыкновенного пива, стал отравой.

ИВ: Любовь к природе... Ведь в общем цели как таковой тогда еще не было. Была любовь к природе, была любовь к литературе, была, как вы сейчас говорите, боязнь алкоголизма, соревновательность и желание быть первым.

ГА: Вот если пытаться ранжировать, то, прежде всего – это мнение родителей. Для формирования творческой личности необходимо принимать во внимание, например, возраст. Самым благоприятным периодом для формирования творческих качеств, мне кажется, является детство. Детство должно протекать в таких условиях, когда есть много свободного времени и мощные стимулы для творчества. Соревновательная среда плюс настоящие учителя в школе – это, мне кажется, самое важное. Домашняя обстановка. А дальше...

Я хочу сказать, что много линий начиналось и обрывалось, я очень любил животных. Было много душещипательных историй... Мы уезжали летом в Нальчик. В одну из таких поездок я подружился с бродячей собакой, привел ее на дачу. Был гранд-скандал. Все лето я был неразлучен с собакой. Это осталось на всю жизнь, но это не сформировалось в какую-то отдельную линию развития. Я не стал биологом, не стал защитником «братьев меньших» и так далее. Просто факт личной жизни. Собака... Большая трагедия была, когда нужно было расставаться с ней. Звали собаку Шалава...

ИВ: А как вы познакомились с ней?

ГА: Как я познакомился... Соседи знали бывшего хозяина, а кличка была известна. Но, как видите, биологом я не стал. Председателем правления районного общества защиты животных тоже не стал. Но жизнь была беднее без Шалавы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru